

Метаморфозы Одетты

Несмотря на летнюю жару и период отпусков, на спектакль собрался, что называется, "весь город". Мы, конечно, ждали от Лопаткиной необычного прочтения слишком уж заезженного шаблонными трактовками балета, и наши надежды оправдались вполне. Дебют Ульяны Лопаткиной в роли Одетты-Одиллии, пожалуй впервые после Галины Мезенцевой, поставил нас перед лицом эстетического феномена, эстетического чуда, связанного с этим балетом.

Мы снова убедились в том, что Ульяне Лопаткиной большой спектакль просто необходим для того, чтобы ее актерский талант мог полностью раскрыться. Она — менее всего виртуозка концертного плана. Она — балерина, умеющая вести спектакль и держать в напряжении зрительский интерес, способная перевоплощаться в каждом акте. И ей часто нужен драматический подтекст, как материал для ее актерских откровений.

Во второй картине "Лебединого озера" она создает и предвзвешивает, и атмосферу довлеющего рока, дает ощутить весь драматизм ситуации, когда на заколдованном озере лебедей вдруг появляется человек из реального мира.

Лопаткина и здесь не просто создает образ, она играет судьбу своей героини. Поэтому столь уместной оказывается неожиданной возникшая у нее в самом начале гран па лебедей короткая пантомима — совершенно в духе старинных рассказов-пантомим из классических балетов прошлого века. Всего несколько жестов: взмах рук-крыльев с вытянутой шеей и будто в подчинение чужой воле закинутой головой — жест несвободы, рассказавший Зигфриду о лежащем на ней и ее подругах заклятии. И следом за тем в молитвенном жесте сложенные перед Зигфридом руки. С первых же минут в отношении Одетты и принца Лопаткина вносит драматизм нежданной и опасной для них встречи, грозящей близкой бедой.

Ее трактовка образа Одетты близка к романтической. У Лопаткиной девушка-лебедь — неземное, волшебное существо, подобное феям и ундинам старинных романтических балетов. Шаг навстречу любви для нее роковой. И она сознает это, поначалу отвечая Зигфриду пылким и твердым протестом.

Метаморфоза происходит с ней на наших глазах. В "белом" адажио Лопаткина проходит путь от узнавания первой любви к любовному томлению, к исполненному доверия интимному диалогу. Не плач и не жалоба в этих арабесках, полуповоротах, глубоких наклонах, а пробуждение женственности, душевный взлет, стремительное развитие запретного для нее чувства.

Удивительно, как ей идут *developpe* — в них такая нежность, такая истома. А знаменитое *developpe* на высокой поддержке во второй части дуэта у нее почти экстаично. Этого движения у Лопаткиной ждешь как откровения, как эмоциональной кульминации всего "белого" дуэта. (К сожалению, исполнитель роли Зигфрида Александр Курков ни эмоционально, ни психологически не отвечает на ее запросы, являя собой чисто внешний заставший имидж романтического героя).

За минуты "белого" адажио героиня Лопаткиной совершенно перерождается.

Лопаткина вошла в спектакль сразу как балерина. Во всяком случае, вторую картину в ее исполнении по масштабу образа, по уровню смысла, пластической красоте и законченности, можно воспринимать без оговорок на дебют. Образ ее Одетты строится на остром драматическом эффекте, когда сначала она дает ощутить нависшее над ней роковое заклятие. А затем, оставаясь в его власти, познает всю силу любви — как бы уходит, выскальзывает из этого плена в свободный полет.

Ее Одетта менее всего жертва. В этом гордо вскинута подбородке, в этих арабесках такой удлинненности, что, кажется, они устремлены в бесконечность, в этих высоких волевых аттиюдах есть какое-то бесстрашное забвение довлеющих над ней обстоятельств. По смыслу, вкладываемому Лопаткиной в "белое" адажио, оно сродни сценам снов и видений из балетов Петипа, где в человеке высвобождаются все тайные, дремлющие наяву желания и силы.

Вторая картина балета в исполнении Лопаткиной не просто исповедь Одетты — это еще и ее победа.

Во II акте Лопаткина и Евгений Нефф (Одиллия и Ротбарт) выходят блестящей парой аристократов на провинциальном балу. Она — изысканная дама, девушка голубых кровей. Антипод Одетты по типу женственности и красоты, она искушает принца другой любовью — любовью блестящей светской дамы. Но главный ее козырь — это стремительность, быстрота, с которой она движется, с которой она живет. В смене образов Белого и Черного лебедя Лопаткина тонко чувствует прежде всего смену ритма. И победу ее Одиллия одерживает прежде всего потому, что не дает времени себя огорять. В молниеносной скорости, в подвижной гибкости танца ее чародейная сил. Тело у нее — как ртуть, и совершенно уникальные, длинные, гибкие и быстрые, как у лани, ноги. И что-то поистине колдовское заключено в ее пуантах — они то струятся, завораживая взгляд, в па де бурре, то мечут

молнии в какой-то дьявольской скачке в коде дуэта. Мягкие, источавшие нежность в "белом" акте, здесь они источают яд, здесь они смертоносны.

Однако битва в этом спектакле разворачивается скорее между Одеттой и Ротбартом, чем между Белым лебедем и Черным. Всю независимость, всю твердость характера Лопаткина отдает своей Одетте. Одиллия у нее, как бы обольстительна она ни была, в гораздо большей мере подчинена и выполняет чужую волю.

Поэтому, наверное, смысловая и эмоциональная доминанта приходится у нее на 2-ю картину I акта. И мы пока тоже отдаем предпочтение ее Белому лебедю и ее второй картине.

Однако сколько бы ни оставалось здесь возможностей для совершенствования, главное в другом — роль Одетты-Одиллии подчинена четкой логике и прожита без единого смыслового провала. У Лопаткиной нет "пустых" движений — в каждый момент ее пребывания на сцене что-то происходит. И под воздействием ее танца многое воспринимается иначе в столько раз уже виденном балете, а что-то и вовсе вызывает отторжение. Например, уже неоднократно осыпанный упреками, лишенный всякого смысла нынешний финал "Лебединого озера". Сладкое благополучие развязки никак не уживается с драматической логикой развития образа у Лопаткиной.

Воля рока для героини Лопаткиной — не абстрактная, а вполне конкретная осязаемая сила. Этой силе она способна противостоять, с ней она ведет свой постоянный спор. Не случайно таким интересным и напряженным оказывается дуэт Лопаткиной-Одетты и Неффа-Ротбарта, не ограниченный взаимоотношениями властелина и пленницы, злодея и жертвы. Они равны в своей подчиненности воле судьбы и равно перед ней бессильны.

Вот почему для Одетты-Лопаткиной невозможен счастливый конец. В игре с судьбой она ставит на карту все — свою любовь, свое сердце, — и предательство Зигфрида не может пройти для нее даром.

...Итак, дебют состоялся, принеся юной артистке долгожданный успех в большой балеринской партии. И не хочется говорить здесь о небольших недостатках, естественных для первого выступления, — о них не думалось на спектакле, когда артистка завораживала пластической красотой и интриговала сложностью и тонкостью душевных переживаний. Единственное, что необходимо еще добавить — это то, что Лопаткиной, как выяснилось, нужен совершенно особый дуэт, ей недостаточно простой поддержки и традиционного "подыгрывания" партнера. Ей нужен партнер, если и не равный ей по тонкости пластического рисунка, то по крайней мере способный на должном уровне вести психологический диалог и создавать адекватный по глубине драматический образ.

412

1994

Ульяна

Лопаткина